

УДК 821.512.133

ОТГОЛОСКИ АНТИЧНЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ О ГРИФОНАХ В ФОЛЬКЛОРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Жураев М.А.

Научно-исследовательский институт узбекского языка и литературы
при Ташкентском государственном университете имени Алишера Навои

Кучкаров Т.О.

Джизакский государственный педагогический институт

В древней мифологии народов Средней Азии широко распространены в основном два вида образа грифона. Первый тип изображен в виде крылатой собаки или крылатого льва с птичьими атрибутами. Так как, авторы статьи на основе сравнительного анализа фольклорных, археологических и лингвистических материалов доказывают, что историко-генетические корни диморфных образов непосредственно связаны с архаическими астральными культами древних народов Центральной Азии.

Ключевые слова: мифология, астральные символы, мифологический образ, грифон, мифологический сюжет, мифологическая легенда, узбекский фольклор, сказка, диморфный образ, мифологические представления.

Постановка проблемы. В древней мифологии народов Средней Азии был распространен мифический образ крылатых зверей, крылья которых служили деталью, астральным символом, указывающим на принадлежность к высшему миру, небу. Поэтому, изображение таких зверей крылатыми указывало на их божественность, сверхъестественность. Одним из таких мифологических образов является грифон. Грифон изображался в виде фантастического существа (чудища), которое целостно воплотило в себе черты, присущие зверю и птице. В «Мифологическом словаре» слово «гриф» толкуется как «мифический зверь, с туловищем льва и головой орла» [20, с. 79]. В «Русско-узбекском словаре» приводится следующее толкование «грифа» *миф.* 1. Огромный, крылатый зверь (чудище) с туловищем льва и львиной или орлиной головой. 2. Черная птица, коршун» [29, с. 222]. Образ грифона был традиционным персонажем мифологии народов Центральной Азии, Древнего Египта, Греции и Турции [3, с. 140].

Анализ последних исследований и публикаций. В древней мифологии существовало два вида этого диморфного образа зверя-птицы, т.е. лев-грифон или крылатый лев и орел – грифон или крылатый зверь с головой хищной птицы [28, с. 40-42]. Образ грифона воплотил в себе черты, присущие зверю и птице, где зверь олицетворяет вселенную, землю; а черты птицы является символом небес, небесного. Как отмечал Л.И. Альбаум, «трудно сказать, когда и где впервые появились изображения грифонов, однако уже к середине первого тысячелетия до н. э. этот сюжет широко известен самым различным народам мира. Возможно, они зародились в глубокой древности вместе с появлением наскальных изображений животных, иногда покровителей, их наделяли комплексом атрибутов, характерных для различных животных» [4, с. 63].

Генетические истоки образа грифона непосредственно связаны с дуалистическими воззрениями о борьбе добрых сил со злыми существами, поскольку по представлению древних скотоводов это мифическое существо якобы охраняет домашний скот и людей от злых духов. Данный образ «одно из олицетворений природы,

с присущим ей дуализмом сил добра и зла... Может быть борьба животных с грифонами в мире ранних кочевников имела под собой идею борьбы света и тьмы. Эта космическая идея вырастала из тотемных представлений, но она была выше их, ибо переносила образы племенных культов в план космических сил и представлений о добрых и злых сил природы» [28, с. 42].

В процессе развития архаической мифологии на основе дуалистической природы космической сущности этого образа возникли диморфные изображения грифона. Множество изображений грифонов или мифических существ с головой зверя и туловищем птицы было найдено в процессе археологических раскопок на территории Центральной Азии [18, с. 46; 37, с. 254; 33, с. 49]. Профессор С.П. Толстов отмечает, что на обломке фляги, найденной под центральным куполом крепости Куйкирилган-калга, точнее на входе с восточной стороны, существует изображение огромного грифона. На синих керамических ритонах, найденных в 1952 году, тоже существуют рельефные изображения грифонов и коней [34, с. 307]. А на керамическом обломке, найденном археологами в Калгаликире, был изображен грифон с орлиной головой, большими глазами и чуть приоткрытым клювом [32, с. 198].

Широкое распространение получило изображение грифона в эпоху кушанов и средневековом искусстве. Этот мифический образ изображался на посудах, печатях и шелковых тканях. В Пянджикенте был найден деревянный сосуд с изображением грифона. А на стенных росписях одного из памятников Самарканда изображен круг из грифонов в виде крылатых львов. В Варахше, в «зале белых слонов» на стене тоже изображены грифоны в виде орла [28, с. 42].

На стенах «Красного зала», открытого в результате археологических раскопок руин Варахши, были найдены изображение белых грифонов (с собачьим туловищем), нападающих на слона. В.А. Шишкин считает, что этот мифический образ является «собакоподобным грифом» и отмечает, что этот древний образ представлялся как символ солнца [37, с. 153]. Мы считаем, что образ грифона, изображенный в «Красном зале» Варахши, по сути, напоминает изображение мифо-

логического животного [23, с. 22], найденного в селе Томиз Глазовского уезда России. Это изображение способствует также раскрытию сути легенды древнегреческого историка Филострата, который писал, что «размахивая крыльями, грифы могут победить даже слонов и драконов».

В результате очистки южной стены «Красного зала» найдены фрагментарные останки сцены терзания, на котором сохранились следы изображений нижних частей туловищ двух мифических существ. Передние лапы у одного существа напоминают птичьи ножки, а задние – и собачкоподобную форму. По мнению В.И. Шишкина, «здесь был изображен один из разновидностей грифа с львиным телом и орлиной головой. Это очень древний образ – символ солнца, изображение которого на Сузской печати восходит к III тыс. до н.э.» [37, с. 157].

Хотя передние конечности грифона из сузской печати изображены в форме птичьих лапок, задние напоминают львиные лапы, а птицеподобная голова обрамлена длинной гривой. Исходя из этого, можно констатировать, что в сузской печати изображен грифон с львиным туловищем. А в сцене сражения, найденной в южной части стены «Красного зала» Варахши, изображен грифон с туловищем собаки. На наш взгляд, многочисленные изображения грифонов в древнем и средневековом искусстве Центральной Азии возникли на основе мифологических рассказов и легенд наших далеких предков. Создатели настенных росписей древней Варахши хорошо знали легенды о сражениях грифов с наездниками на слонах, поэтому в творческом процессе использовали эпические сюжеты, широко распространенные в Зерафшанском оазисе.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. В древних письменных источниках приведены легенды о мифическом существе в виде зверя-птицы. В частности, в древнекитайской летописи «Ханьшу» пишется: «Население, живущее в крае Тячжи выращивает больших и маленьких птиц, дающих молоко как львы, каркидоны, коровы. Яйца этих птиц величиной с кувшин. В период гонюанского правления (101 год н.э.) на 13-м году правления императора Хеди Король Аньси Маньцой подарил китайскому дворцу львов и больших птиц. Тогда этих птиц называли «Птицы Аньси». Как рассказывает Гуан-Чжи: «Это – птица Чжин, ноги и туловище которой были верблюжьими, зеленого цвета, рост их достигал при поднятой голове 8-9 футов, размах крыльев – свыше 10 футов. Птица питалась ячменём и несла яйца похожие на кувшин» [16, с. 109]. Имея в виду, что топоним «Тячжи», приведенный в данной легенде, является названием древнего горного края, т.е. названием одной из областей Ферганской долины, то можно констатировать, что образ грифона генетически связан с древней мифологией народов Средней Азии.

Геродот в четвертой части «Истории», основываясь на рассказы исседонов, пишет: «за страной лысых» живут «одноглазые люди и грифы, стерегущие золото скифов» [11, с. 20]. В произведениях греческого писателя Эсхила (V век до н. э.) грифон изображался в виде «собаки-птицы». Эсхил отмечает, что в местах, где живут «одноглазые всадники аримаспов» живут также «остроклювые

безгласные псы Зевса» [25, с. 22]. Это деталь указывает на то, что в произведении Эсхила изображена крылатая собака с орлиным клювом.

Древнегреческий ученый Ктесий (IV-V век до н. э.) в своей книге «Индика», пересказывая легенду о грифонах древних бактрийцев, пишет: «Я узнаю, что гриф, это индийское животное – четвероногое, наподобие льва, когти имеет чрезвычайно сильные и притом также похожие на когти льва. Повествуют, что спина его покрыта перьями и цвет этих перьев – черный, а спереди, говорят, красный. Крылья же у него – ни того и ни другого цвета, но белые. Шея, у него украшена темно-синими перьями, глаза его, говорят, огненные. Гнезда вьют в горах. Взрослого грифа поймать невозможно, поэтому ловят птенцов. Бактрийцы, соседние с индийцами, рассказывают, что грифы в тех местах являются сторожами золота» [25, с. 19].

Сюжет этой легенды был широко известен среди бактрийцев, потому что археологические находки, найденные в южном Узбекистане, указывают на наличие образа грифона в виде собаки в мифологии бактрийцев. В частности, грифон изображен на серебряной статуэтке (III-II век до н. э.), хранящейся в Британском музее. Этот грифон имеет туловище собаки, хвост завернут в круг, на месте, где передние лапы соединяются с туловищем, находятся крылья, на шее имеется грива, как у коня, голова похожа на собачью, между ушами – торчащий вперед рог.

Основываясь на изображения грифона на печати, принадлежащей ко II тысячелетию до н. э., найденной А. Аскарковым во время исследований Сапаллитепы, которая расположена на территории древней Северной Бактрии, можно сделать вывод, что этот образ был широко известен в мифологии и искусстве еще в бронзовую эпоху. По сведениям Г.А. Пугаченковой [24, с. 73, 78], на сердолике, найденном близ Термеза, тоже изображен грифон в виде крылатой собаки. В холмах Фаяз-тепе вблизи города Термеза, где с 30-х годов XX века ведутся археологические исследования, во время раскопок, проведенных в 1968-1976 гг., были найдены остатки древнего храма Будды, относящегося к I-III веку н. э. Среди находок, найденных в этом храме, особое значение имеют статуэтки Будды, сидящего под священным деревом бодхи, и расписанный каменный блок, на котором изображен грифон с повернувшей направо головой [4, с. 60-62]. Образ грифона в виде крылатого льва изображен в золотой бляшке из Амударьинскогоклада, относящегося к V-IV вв. до н.э. Голова этого грифона-льва слегка повернута направо, уши настороженны, а зоркие глаза горят от страсти [4, с. 60-62]. Эти находки свидетельствуют о том, что среди населения древней Бактрии существовали мифологические представления о крылатом звере с туловищем собаки. Сюжет об охраняемом ими золоте был широко распространен также в устном народном творчестве бактрийцев.

В древнегреческой мифологии грифон изображался полуптицей, полульвом. Согласно ей, грифоны живут на горе, которая расположена вблизи края аримаспов и стерегут золото. Поэтому аримаспы из-за этого богатства постоянно сражались с грифонами. В мифологии аримаспов повествуется, что бог солнца каждый день с утра

разъезжает по небу на золотой колеснице, запряженной грифонами [17, с. 467].

Ещё одна древняя мифологическая легенда принадлежит перу греческого историка Аристеея (УП век до н. э.). По рассказу Аристеея, грифоны «обитают на крайнем севере, близ Рипейских гор, с которых никогда не сходит снег и где дует Борей, северный ветер. Земля там в изобилии производит золото, и грифы стерегут его. Аримаспы, живущие рядом с ними, похищают золото и постоянно сражаются из-за него с грифонами» [25, с. 21].

Аристеей рассказывает, что эту легенду он слышал во время путешествия на край исседонов, которые живут за горой Рипей. Историк И.В. Пьянков основываясь на предположения некоторых ученых, предполагает, что «Рипейские горы» – это горы Алтая, а словосочетания «места проживания исседонцев» означает степь или степные леса за уральскими горами [25, с. 21]. Геродот считает, что край исседонов расположен «на стороне восхода солнца безволосых» и «на восточном берегу реки Аракс (Аму)», т.е. это территория нынешнего Кызылкума. По Геродоту «напротив исседонов – по направлению к восходу солнца за рекой Араксом живут многочисленное и храброе племя массагетов. Их считают скифским племенем» [8, с. 325]. Эти данные показывают, что архаические мифы и легенды о грифонах возникли в устном народном творчестве древних обитателей Центральной Азии и доказывают неправильность гипотезы И.В. Пьянкова, о том, что «мифологические представления о грифах – продукт античной мифологии» [25, с. 21].

По мнению А.П. Зопороженко и Д.В. Черемисина, изучавших историю возникновения легенды о битве аримаспов с грифонами, данный сюжет возник на основе древнеиндийско-европейской мифологемы о путешествии героя в иной мир, т.е. в мир мёртвых. По архаическим мифам, между двумя мирами, существует «райский край», в котором живут хранители богатств мира мёртвых – такие как одноглазые, безносые люди, драконы и др. Поэтому, в этот мир могут войти лишь мифические птицы, умеющие сражаться и побеждать этих хранителей. В «скифской версии» этого сюжета грифоны превращены в хранителей золота [13].

Мы согласны с научной версией о том, что сюжет легенды о золоте грифов возник на основе мифологических верований об ином мире. Сохранившийся в узбекском фольклоре собаководный грифон – Семург служит проводником между двумя мирами, т.е. помогает герою выбраться из недр земли на свет божий. Поэтому, мы думаем, что легенда о грифонах впервые появилась в устном народном творчестве народов, проживающих на территории Центральной Азии. Более того, мифологические представления о грифах, стерегущих золото, сохранились в узбекском фольклоре. В узбекской народной сказке [30, с. 152], записанной этнографом Г.П. Снесаревым, рассказывается, что однажды один богач нанял бедного джигита на работу, с условием, что он будет его кормить 39 дней, а джигит должен был отработать всего лишь один день. В условленный день богач шьёт мешок из бычьей шкуры и, засунув бедняка в мешок, зашивает его. После этого прилетает огромная птица и уносит мешок с парнем

на вершину горы. Птица расклеывает мешок, но увидев парня, улетает. А парень, выйдя из мешка, видит, что вокруг очень много золота и драгоценных камней.

А в узбекской народной сказке «Ходжа Бозиргон и дровосек Хасан» рассказывается, что старик кормил мальчика 39 дней, а на сороковой день зарезал бычка и сшил из его шкуры бурдюк и попросил мальчика залезть в бурдюк и посмотреть, нет ли дырок. Когда мальчик влез в бурдюк, он крепко-накрепко связал конец бурдюка. Привез этот бурдюк к подножию горы. Через какое-то время появляется огромный орел и уносит бурдюк в небо. Достигнув вершины горы, бурдюк падает из когтей птицы. Упав на вершину горы, бурдюк лопаётся и мальчик выходит на свет. Под ногами он видит большие слитки золота. Профессор Ж. Юсупов правильно отмечает, что «мифологические рассказы о мифических птицах, охраняющих сокровища, принадлежат фольклору народов Средней Азии» [39, с. 87].

Это указывает на то, что сказка возникла на основе мифологического сюжета о золоте грифов у древних бактрийцев. Хотя, как отмечал Филострат, «эти существа были поднесены солнцу». Образ грифона или собаки-птицы является архаическим персонажем узбекской мифологии. Поэтому мифы и легенды о летающих собаках или собаках, вылупившихся из птичьего яйца, сохранились и поныне в фольклоре народов Средней Азии [12, с. 68-69].

Великий ученый XI века Махмуд Кашгари, в своем произведении «Дивану лугатит турк» толкуя слово «барок», пишет: «Барок – лохматый пёс. По поверьям тюркских народов, состарившийся орёл кладёт два яйца. Из одного яйца и вылупляется собака, под названием барок. Самая быстрая и охотничья собака. Со второго яйца вылупляется птенец. Он оказывается последним птенцом этого орла» [19, с. 359]. Следовательно, по мифологическим верованиям древних тюрков, «барок» представлялся в облике собаки, вылупившейся из яйца орла, т.е., собака, появившаяся на свет неординарно. В произведении средневекового историка Рашид-аддина «Жомеъ ат-таворих» тоже приводится слово «ит барак», но он используется как название одного из племен, враждующих с Угуз-ханом [27, с. 84].

Слово «барок»//«барак» широко применяется в этнонимике тюркских народов как термин, означающий название племен или рода. По сведениям В.Г.Мошкова, у племен «олти ота козаёкли», живущих в Нурате, была ветвь под названием «барок», а у «олти ота канжигали» – под названием «ит бурбай». Было отмечено, что у туркмен-ёвмитов, проживавших в Закаспийском крае, тоже был род под названием «барок». По народной этимологии, это слово означало «быстро бегущий пёс» [21, с. 148-150].

В «Дивану лугатит турк» слово «барок» на самом деле имеет этимологическую основу, связанную с лексемой, имеющей значение «птица», поскольку в тунгусо-маньчжурском языке слово «бара» означает «птицу», похожую на синицу, в эвенкском и якутском языках слово «барак» имеет значение «птица-рыболов» [31, с. 72].

Эпические сюжеты мифологических легенд о чудесной собаке, вылупившейся из яйца птицы до-

шло и до наших дней. Как рассказывается в легенде, записанной А.А. Диваевым в Чимкенте, птица под названием «ит ала каз» свивает гнездо на кладбище и из её яиц вылупляются щенки под названием «кумай». Увидев щенят, птица бросает гнездо и улетает. И щенята гибнут от голода. Именно этих щенят находят удачливые охотники. Поэтому, мясо «ит ала каз» считается у казахов нечистым [9].

А легенда, записанная языковедом Д. Базаровой в середине 70-годов XX в. в Ташкентском оазисе, гласит: «в редких случаях, т.е. один раз в несколько столетий из яйца птицы ангирт вылупляется вместо птенца охотничья собака. И называют эту собаку «ит ала каз». Найти такое яйцо – большое счастье, но это счастье не всем дано. Потому что, ангирт свивает свое гнездо в щелях мавзолеев, в дымоходе домов, норе лисиц и диких кошек, в старых могилах» [5, с. 17].

Если обратить внимание, на лексико-семантическое значение, то названия «ит ала каз» толкуется как «собака-пестрая птица». По нашему мнению, в составе названия «ит ала каз» лексема «ола» не имеет ничего общего со словом означившим цвет (т.е., «ола» – значит «пестрый»), а имеет смысл «собака». Потому что в кумыкском языке слово «алкаъ», в туркменском языке слово «алака» использовались для обозначения собаки. Кроме того, лексема «алангур», зафиксированная в древнетюркских письменных памятниках, а также слово «алла» в древнеиндийском языке тоже имели значение «собаки» [15, с. 37]. В узбекском языке встречается фразеологическая единица «алаканинг итидай чопмок», т.е., «бегать как собака алака», в составе которого сохранился древнетюркский корень «ала», который использовался для обозначения мифической собаки.

Анализ фольклорных материалов показывает, что сюжет древней мифологической легенды о собаке-птицы известен многим тюркским народам, в том числе, хакасам, киргизам, казахам, башкирам и др. Например, в казахском фольклоре существует образ мифической собаки «хубай хус», вылупившейся из яйца птицы. По мифологическим представлениям, никакое животное не может убежать от преследования этой быстро бегущей чудесной собаки. Известный ученый М.И. Боргояков, доказавший, что образ собаки-птицы широко распространен в мифологии древних народов, проживавших на территории Евразии, констатировал, что «хакасское название этой собаки («хубай-хус») свидетельствует о том, что его представляли в виде крылатой собаки, и потому ни одно существо, ни один зверь не мог убежать от него» [6, с. 276].

Как выяснил Д.В. Черемисин, у тюркских народов есть слово «кумай», означающий название охотничьей собаки, от которой не может убежать никакая дичь [38]. Кличка любимой собаки Манаса, героя киргизского народного эпоса была «Кумайик». Если вспомнить мифологический рассказ о фантастической птице «кумай» [2, с. 163], то в этом случае называть собаку птичьим именем является древней традицией. Башкирская народная легенда гласит, что старый ворон сносит два яйца, с одного яйца вылупляется лохматый пёс – «туйгун», из второго – охотничья птица «шункор» [1, с. 49]. Известно, что слово «туйгун» применяется относительно к птице. В мифах Горного Ал-

тая рассказывается о птице «улар», которая за всю свою жизнь сносит три яйца. С первого яйца вылупляется щенок – «барак», со второго яйца вылупляется птенец «урган», с третьего – птенец «балта» [14, с. 50]. Мифы и легенды о собаке, вылупившейся из яйца, в результате этнической миграции огузских племен вошли и в фольклор народов Кавказа. Например, в грузинских народных легендах сохранились реликты древнего мифа о щенка, вылупившегося из яйца птицы. Согласно этому мифу, «ворон кладет два яйца. Из одного вылупляется птенец, из другого – щенок. Ворон, увидев, что щенок не похож на него, выкидывает его из гнезда. Из этого щенка выросла мифическая собака Курша [7, с. 50-52].

В узбекском фольклоре существуют различные мифологические представления, связанные с образом собаководной птицы. В частности, на кыпчакском диалекте узбекского языка волка называют эвфемической лексемой «ийт-куш», т.е. «собака-птица» [10, с. 119]. В «Словаре» В.В. Радлова слово «кучуган» толкуется как «орёл» [26, с. 1500], а в узбекском языке «кучук» – собака. Лексико-семантические параллели этих лингвистических данных обуславливаются архаическими сюжетами фольклора древних тюрков, в котором порождались и передавались из уст в уста разные варианты и версии мифов о грифонах, т.е. летающих собаках и крылатых львах.

В результате многовекового развития историко-фольклорного процесса древние мифологические представления о грифоне, изменяя свой первоначальный вид, продолжали бытовать в эпической памяти народов Средней Азии. Например, в середине XX века члены Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во время сбора фольклорных материалов, касающихся культа святых, зафиксировали легенду о летающей собаке. Этнограф Г.П. Снесарев, беседуя с Абдуазизом кори, постоянно пребывавшим при мавзолее основоположника суфийского ордена кубравия, известного средневекового мыслителя Наджмиддина Кубра в Кухна Ургенче, слышал интересную легенду о летающей собаке. По рассказу Абдуазиза кори, «раньше на месте, где теперь могила святого Наджмиддина Кубра ничего не было. Это место называлось «Копуржой», т.е. «место неверных». Одна старуха ухаживала за этим местом, развела здесь небольшой сад. У старухи был сын. А у шейха Наджмиддина брови были такие длинные, что свисали над глазами. Когда шейх хотел на кого-нибудь взглянуть, он поднимал руками брови, и в тот же миг тот человек чудесным образом становился богатым. Однажды старуха сказала шейху: «Посмотри же на моего сына». Тот поднял брови, но в этот момент мальчик убежал, а на его место села собака. Собака эта была божественная, она летала по воздуху, а когда она умерла, ее похоронили по всем правилам, в саване около шейха. До сих пор сохранилась кормушка этой собаки, из нее женщины-паломницы брали воду при глазных болезнях» [30, с. 153].

Формулирование целей статьи. Толкование и раскрытие отголоски античных мифологических сюжетов о грифонах в фольклоре тюркоязычных народов Средней Азии.

Изложение основного материала. Анализируя эту легенду, Г.П. Снесарев правильно констати-

ровал, что генетические корни образа чудесной собаки, возможно, восходят к домусульманским верованиям, т.е. представлениям о мифической собаке-птице Сэнмурв. Мы считаем что, несмотря на то, что исторические основы образа «летающей собаки» непосредственно связаны с мифами о грифонах или птицах-звероподобных диморфных существ, сюжет хорезмской легенды является продуктом местной эпической традиции, поскольку в среднеазиатских письменных агиографических источниках часто встречается традиционный мифический образ «летающей» или «крылатой собаки», которая благодаря божественному взгляду или благодатному слову того или иного святого приобретала чудесные качества. Например, в «Манокибе», т.е. «Жизнеописание» представителя среднеазиатского суфизма – Султан Сайид Ахмад Вали (XV в.), известного среди населения Кашкадарьинского оазиса Республики Узбекистан как «хазрати Башир», рассказывается, что у этого святого была собака по имени «Ок куш», т.е. «Белая птица». Она была очень верна хозяину и, положив голову у порога, всегда лежала у входа в его дом. Однажды собака заболела и через несколько дней умерла. По распоряжению святого Султан Сайид Ахмада Вали собаку проводили в последний путь по всем правилам – ее тело завернули в «кафан», т.е. «саван» и похоронили в мусульманский «мазар», т.е. кладбище. Через некоторое время одному из дервишей приснился интересный сон; утром он пришел к святому и с удивлением рассказал, что во сне видел ту самую собаку, которая размахивая крыльями, пролетела над мазаром. Султан Сайид Ахмад Вали внимательно выслушал его рассказ и сказал, что это душа собаки Ок куш, которая каждый ночь пролетает над мазаром [40, с. 94].

Образ крылатой собаки или диморфного мифического существа, изображенного в виде полуптицы-полузверя в среднеазиатском фольклоре, чаще всего был известен под именем Семург. Еще в 30-е годы XX в. исследовательница древневосточного искусства К.В. Тревер отмечала, что в письменных источниках первоначальное название этого мифологического образа было зафиксировано как «Саена-меруға», лексическое значение которого толкуется как «собака-птица». А в древнеиранской мифологии Семург изображен в виде фантастической птице с головой собаки [35, с. 15-17]. В составленной в сасанидский период письменной редакции «Бундахишне» приводится миф, в котором излагается процесс создания животного мира. В нем рассказывается, что в одиннадцатую очередь созданы «ночные (shaba), из которых два – имеют в груди молоко, которым они кормят детёнышей. Сэнмурв (Skn-murv) и летучая мышь (shaba) летают по ночам; как сказано, ночные (shaba) созданы в трех видах (sartak): собака-птица и мускусное животное, потому что летает как птица, имеет зубы как собака, живёт в пещерах как мускусное животное» [35, с. 15]. В тексте «Zvt-sparam», созданный как дополнение к «Бундахишне» отмечается, что «Из птиц двое были созданы непохожими на другие виды: это Сэнмурв (и) летучая мышь, которые имеют зубы во рту и кормят своих детёнышей молоком из груди» [35, с. 16-17].

Отголоски мифологических воззрений, связанных с образом собаки-птицы, т.е. Сэнмурв, сохранились в фольклоре многих тюркоязычных

народов, в том числе и узбекском народном эпосе. Это мифическая птица Семург, живущая на вершине огромного чинара (аналог «дерева жизни»), которая в благодарность за спасение своих птенцов от злого дракона аждаха помогает сказочному герою и проводит его в иной мир. Космогоническая природа традиционного сказочного образа Семург непосредственно связана с домусульманской мифологией. Ибо этот образ возник на основе трансформации и эпической диффузии авестийских мифологических представлений в эпическом творчестве народов Средней Азии. Несмотря на то, что в эпических сюжетах исполнительской традиции узбекского сказочного эпоса не сохранились полностью все архаические черты и свойственные Сэнмурву диморфный внешний облик, в некоторых сюжетных элементах, например в мотивах, связанных с переездом героя с помощью этой мифической птицы в «иной мир», явно наблюдаются отголоски мифологического облика древнего образа «собаки-птицы». В сказке «Зорлик билан Мунглик» герой сражается с угрожавшем гнезду Семурга змеем – аждаха и, разрезав ее на несколько кусков, угощает частью змеиной туши птенцов. Через некоторое время со снегом и дождем прилетает Семург и, увидев под деревом разрезанные и разбросанные куски своего давнего врага – аждаха, немедленно проглатывает их [22, с. 214]. Почти во всех эпических сюжетах о переезде в «иной мир», перед полетом по поручению Семурга герой приготавливает огромное количество мяса и воды, в период всего путешествия в сказочном космическом пространстве это фантастическое существо берет силу от этих продуктов. Мифическая птица Семург, как приводится в «Бундахишне», это – существо, которое «имеет зубы во рту».

Выводы из данного исследования и перспективы. Вышеприведённые данные показывают, что в древней мифологии народов Средней Азии широко распространились в основном два вида образа грифона: первый тип изображен в виде крылатой собаки или крылатого льва с птичьими атрибутами. Второй – самый распространенный образ был известен под именем Сэнмурв или Семург, который представлялся как фантастическое крылатое существо с головой собаки. В последующем, с развитием историко-фольклорного процесса мифологические представления и воззрений об этих чудесных зверях сильно изменились, некоторые древние мифы забыты, а архаические черты образа грифона постепенно утратили свой первоначальный характер. В древних мифах грифоны интерпретировались как зооморфный космогонический символ борьбы добрых и злых сил и как диморфное фантастическое существо, стерегущее золото скифов. Диффузия архаических мифов порождала в фольклорной традиции ряд эпических сюжетов, связанных с образом «собаки-птицы». Агиографические рассказы, связанные с образом чудесной «летающей собаки», широко распространены в узбекском фольклоре, эпические сюжеты о вылупившихся из птичьего яйца быстробегущих собак «барак», народные легенды о собаке, превращенной в птицу «ит-куш» и сказочный образ Семург безусловно являются отголосками древних центральноазиатских мифов о грифонах.

Список литературы:

1. Abdulkadir Inan. Barak efsanesi // Turk tarih kurumu Belleteni. Cilt XIII, ocak. – Ankara, 1949. – Sayı:49.
2. Абрамзон С.М. Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеологического цикла // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями. – Л., 1977.
3. Akalin L. Turk folklorinde kuslar. – Ankara, 1993.
4. Альбаум Л.И. Грифон из Фаяз-тепе // История и археология Средней Азии. – Ашхабад: Ылым, 1978.
5. Бозорова Д. Исми жисмига монанд // Фан ва турмуш. – Ташкент, 1976. – № 9. – С. 17.
6. Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово, 1980. – С. 276.
7. Вирсаладзе Е. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М.: Наука, 1976.
8. Геродот. История. Кн. 1. – М., 1957.
9. Диваев А. Ит-ала-каз // Этнографическое обозрение. – СПб., 1908. – Вып. IV. – № 1-2.
10. Дониёров Х. Қипчоқ диалектларининг лексикаси. – Ташкент, 1979.
11. Древние авторы о Средней Азии. – Ташкент, 1940.
12. Жўраев М. Барок афсонаси ёки куш тухумидан чикқан ит // Ёшлик. – Ташкент, 1992. – № 1-2. – С. 68-69.
13. Запороженко А.В., Черемисин Д.В. Аримаспы и грифы: изобразительная традиция и индоевропейские параллели // Сибирское археологическое обозрение. – 2002. – Вып. 6.
14. Известия Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Т. 1. Вып. 3. – М., 1902.
15. Кадыраджиев К, с. К вопросу о кумикско-осетинских связях в фольклоре // Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэтническим фольклором. – Махачкала, 1985.
16. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах. – М., 1961.
17. Leach M. Standart dictionary of Folklore, Mythology and Legend. 1. – N. York, 1949.
18. Массон М.Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН ССР. Сер. 1. Вып. 2. – Ташкент, 1941.
19. Махмуд Кошгарий. Девону луғатит турк. 1-том. – Ташкент, 1960.
20. Мифологический словарь. – М.: 1965.
21. Мошкова В.Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен // Труды института истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Вып. 2. – Ташкент, 1950. – С. 148-150.
22. Олтин бешик. Ўзбек халқ ижоди. – Ташкент, 1988.
23. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский метал. – М.-Л., 1935.
24. Пугаченкова Г.А. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии // Советская археология. – М., 1959. – № 2. – С. 70-82.
25. Пьянков И.В. Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М., 1976.
26. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. – СПб., 1899.
27. Рашид-ад-дин. Жомеъ ат-таворих. Т. 1. Кн. 1. – М., 1952.
28. Ремпель Л.И. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент, 1987.
29. Русча-ўзбекча луғат. 1-том. – Тошкент, 1983.
30. Снесарев Г.П. Хорезмские легенды, как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М., 1983.
31. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. – Л.: Наука, 1975.
32. Толстов С.П. Итоги археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. // Вопросы древней истории. – М., 1955. – № 1.
33. Толстов С.П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937-1956) // Советская этнография. – М., 1957. – № 4.
34. Толстов С.П. По следам древнехорезмской цивилизации. – Ташкент, 1964.
35. Тревер К.В. Сенмурв-Паскудж. Собака-птица. – Л., 1937.
36. Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // Труды восточного отдела государственного Эрмитажа. Т. 4. – Л., 1947.
37. Шишкин В.А. Варахша. – М., 1963. – С. 153.
38. Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Сибирское археологическое обозрение. – Новосибирск, 2002. – Вып. 6.
39. Юсупов Ж. Хоразм эртаги ва ҳаёт ҳақиқати. – Тошкент, 1997.
40. Ҳазрати Башир тарихи. – Тошкент, 1994.

Juraev M.A.

Institute of Uzbek Language and Literature
under the Tashkent State University of Uzbek Language and Literature named after Alisher Navoi

Kuchkarov T.O.

Researcher of Djizak State Pedagogical Institute

ECHOES OF ANCIENT MYTHOLOGICAL STORIES ABOUT A GRIFFIN IN THE FOLKLORE OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Summary

In ancient mythology of the peoples of Central Asia are widely distributed mainly two types of image griffin. The first type is shown as a winged dog or a winged lion with bird attributes. The second – the most common image was known as Senmurv or Semurg that represents a fantastic winged creature with the head of a dog. With the development of the historical and folklore of mythological ideas about these mythical creatures highly modified, some forgotten ancient myths and archaic features the image of a griffin gradually lost its original character. The authors, based on a comparative analysis of folklore, archaeological and linguistic materials prove that the historical and genetic roots dimorphic images directly linked to the archaic astral cults of the ancient peoples of Central Asia.

Keywords: mythology, astrological symbols, mythological image, geophone, mythological picture, mythological legend, Uzbek folklore, tale, dimorphs image, mythological imagination.